

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ЗЕЛЕНАЯ
КНОПКА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Зеленая кнопка

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Зеленая кнопка / С. В. Самаров — «Автор», 2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-097085-8

Во время боевой операции на Кавказе офицер спецназа Сергей Жеребякин попадает в плен к эмиру Дадашеву. Бандит пытается склонить пленника на сторону моджахедов. Он шантажирует Сергея, грозя расправиться с его родственниками. Но спецназовец непреклонен. Улучив момент, Жеребякин ликвидирует охранников и захватывает эмира в заложники. Но что может сделать один безоружный человек против банды головорезов? На самом пике отчаянной ситуации офицер вдруг находит спасительный выход... Ударные военные романы, написанные ветераном спецназа ГРУ. Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Суммарный тираж книг автора — более 4 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097085-8

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Самаров

Зеленая кнопка

Пролог

Не часто бандиты бывают в состоянии выстроить такую грамотную и мощную заградительную систему в ущелье. Но на этот раз они сумели это сделать. Видимо, стволов и специального оборудования у них было столько, что хоть поле засевай, пусть и без уверенности в том, что когда-то появится возможность собрать урожай. Да и эмир у банды, похоже, разбирался в военном деле и чему-то научил своих подчиненных.

Вообще-то, такое встречается достаточно редко. Чаше эмиры бывают авторитарными личностями, добившимися своего поста не за счет военных знаний, а в результате безжалостной и жестокой борьбы с конкурентами. Побеждает обычно самый безжалостный и физически сильный из них.

В само ущелье Трех Дев мы вошли без проблем, действуя по привычной схеме. Снайперы уничтожили два сторожевых поста, расположенных один за другим.

Я сразу предположил какой-то подвох – военную хитрость. Так и оказалось. Как правило, за входом в ущелье или перед ним располагается только один пост с тремя часовыми. Следующий, если таковой есть, находится уже в глубине. Чаше всего он бывает одиночный. Связь с ним обычно поддерживается по сотовому телефону. В этих горах она работает вполне устойчиво благодаря вышкам нескольких операторов, расположенным неподалеку. Есть у бандитов и переговорные устройства ограниченного радиуса действия.

Мы привыкли к такой тактике банд, научились снимать часовых без шума с помощью снайперских винтовок, снабженных не только тепловизором, но и мощным глушителем. Техническое преимущество в вооружении обычно позволяло нам воевать практически без потерь.

В этот раз на моем шлеме был установлен испытательный образец аппарата под названием «Волчье ухо». Волк способен слышать самые слабые звуки на расстоянии в пятьсот-шестьсот метров. Да что про него говорить. Тут очень хороша и собака. Раньше считалось, что лучше всего она ориентируется по запаху. Нет, не совсем так. Оказывается, любой пес умеет за десять метров выделить хозяина по звуку биения его сердца из десяти человек, спрятавшихся точно так же, как и он.

Прибор позволил мне услышать на скале разговор, который велся шепотом. Я дал команду снайперам «задрать» стволы и прицелы. Над скалой просматривалось тепловое «свечение». Так был обнаружен второй пост, где находились трое бандитов. В этот раз он расположился почти рядом с первым, выставленным под скалой, нависающей козырьком. Обычно наши противники так не делают.

Пост номер два был устроен на вершине этой самой скалы. Она стояла рядом с отрогом хребта, с которого на нее был переброшен мостик с веревками вместо перил.

На втором посту имелся крупнокалиберный пулемет «Тип 77» китайского производства калибром двенадцать и семь десятых миллиметра. Его патрон подходит к нашим пулеметам «Корд» и «Утес». Еще на посту было два гранатомета с большим запасом осколочных гранат. Это нам удалось узнать после уничтожения снайперами трех часовых.

Я догадался, что для смены часовых должен существовать удобный подъем на отрог хребта – не будут же одни и те же люди сидеть на скале безвылазно по несколько суток, – и отправил на поиски своего замкомвзвода старшего сержанта Раскатова. Юра – человек сообразительный, быстро нашел в стене нишу, откуда на отрог хребта вела вертикальная шахта

с винтовой лестницей. Старший сержант быстро оказался наверху и доложил мне о наличии оружия.

Я приказал забрать гранатометы вместе с «выстрелами» к ним. Заодно потребовал снять и забросить подальше затвор от пулемета, чтобы никто уже не сумел больше этим оружием воспользоваться. Тащить сам пулемет было тяжело и сложно – слишком он громоздкий, особенно со станиной. На добрых полметра длиннее нашего старого «Утеса» и на несколько килограммов тяжелее.

Старший сержант Раскатов вызвал трех солдат, чтобы они помогли ему нести гранатометы и «выстрелы» в специальных упаковочных рюкзаках, и быстро догнал взвод. Снайперы тем временем контролировали пространство впереди.

После того как второй пост оказался в непосредственной близости от первого, я ожидал от бандитов любых неприятностей. Выставление минных заграждений, естественно, к числу таковых не относилось. Взводный сапер ефрейтор Салимов снимал на нашем пути одну мину за другой на протяжении тридцати метров после входа в ущелье. Затем пошел участок, свободный от них. У бандитов мин не хватило, или же у них имелись какие-то другие соображения.

Разобраться с этим мне опять помогли снайперы с помощью своих мощных тепловизионных прицелов.

– Товарищ старший лейтенант, перед вами поперек ущелья какой-то тонкий тепловой луч проходит, – доложил первый взводный снайпер сержант Сережа Луковкин. – Я с таким впервые встречаюсь и не могу предположить, что это. Может, даже реальный провод.

Я дал команду взводу остановиться, глянул в бинокль, тоже снабженный тепловизором, и увидел этот луч.

– Что за хреновина? – не понял и я.

– Товарищ старший лейтенант, это лазерный охранный периметр. Что-то вроде фотоэлемента. Пересечем луч, сработает аппаратура, подаст сигнал тревоги, – подсказал мне второй снайпер взвода младший сержант Олег Волосняков. – Я до армии четыре месяца в охранной фирме работал. У нас такие были. Устаревшая система. Сейчас она повсеместно заменяется инфракрасными датчиками движения. Их определить сложнее. Тепловизор может только сам датчик засечь, если у него аккумулятор греется. А это происходит, когда заряд кончается. Не сразу то есть...

– Век живи, век учись, и все равно что-то новое узнать не успеешь, – проворчал я, коверкая известную поговорку и умышленно не желая называть себя дураком даже в будущем.

Лазерный луч, невидимый для простого глаза, проходил в двадцати пяти – тридцати сантиметрах над тропой. Я вытащил из рюкзака очки ночного видения, работающие в инфракрасном диапазоне. Через них луч тоже был неплохо виден. Тогда я приказал всему взводу, за исключением снайперов, надеть такие же очки и дальше передвигаться в них.

Снайперам хватало прицелов. Они прикладывались к ним поочередно так, чтобы ни на секунду не оставлять ущелье без присмотра – один смотрит, осуществляет контроль, второй переходит на новое место. Потом парни меняются ролями.

Меня заинтриговал этот лазерный периметр. С такой системой защиты я встретился впервые. Обычно бандиты не любят использовать высокие технологии, которые всегда применяем мы. Следовательно, перед нами был не совсем обычный противник. Вот, значит, чем духи заменили мины, которые у них закончились. Или же у этих ребят не было времени на установку таковых.

Мы прибыли в ущелье, едва ли не наступая бандитам на пятки, часа через три-четыре после них. Выехали сразу, как только получили данные от пограничников и спутниковой разведки. Наша оперативность заставила бандитов поторопиться. Конечно, лазерный периметр установить проще и быстрее, чем плотное минное заграждение. Хотя для этого, как мне подумалось, требуется особый специалист. И он, видимо, в банде имеется...

Когда через тридцать метров нам попала на глаза вторая линия охранного лазера, я проявил опасение. Дело в том, что этот луч был незаметен уже с десяти-пятнадцати метров. Вполне могло получиться так, что снайперы засекли не первую, а только вторую линию лазерного периметра. Это автоматически означало, что банда уже была поднята по тревоге и готовилась нас встретить. Тишина, царившая впереди, не говорила ровным счетом ни о чем.

Поэтому я вызвал на связь первого взводного снайпера и сказал:

– Луковкин! Сережа... внимательнее осматривайте пространство впереди. Возможна засада. Ищите «свечение» тел за камнями.

– Понял, товарищ старший лейтенант. Работаем... – ответил сержант и за себя, и за младшего сержанта Волоснякова, вооруженного, как и сам Луковкин, снайперской винтовкой «Выхлоп», имеющей мощный тепловизионный прицел.

Эти ребята имели возможность издали определить противника в такие моменты, когда мой бинокль вообще ничего не показывал. А тепловизионные оптические прицелы, установленные на автоматах бойцов взвода, были еще слабее.

Сережа Луковкин и Олег Волосняков пришли во взвод одновременно после окончания школы снайперов, прекрасно сработались, понимали один другого с полуслова, с короткого взгляда. Для снайперов, часто вынужденных работать классическими парами, это было очень важно.

Предчувствие меня не обмануло.

Через несколько минут младший сержант Волосняков, который, как и весь взвод, слышал мой разговор с Луковкиным, предупредил меня:

– Товарищ старший лейтенант, по правому флангу перед поворотом над камнями «свечение» множества тел. Оно выглядит сплошным. Исходя из размеров камней, за ними не меньше пяти человек. Плотно сидят, друг к другу плечами, похоже, прижимаются. А теперь что-то и над камнями мелькнуло. В тепловизор не разобрать, но я предполагаю, что это ствол ручного пулемета. Видимо, бандиты передали его с одного фланга на другой. И само «свечение» заколыхалось. Впечатление такое складывается, что кто-то переползает вслед за пулеметом.

Это было бы естественным явлением. У пулемета, как правило, бывает один хозяин, который не только стреляет из него, но и собственноручно обслуживает, например чистит ствол, заботится о постоянном наличии боезапаса.

– Луковкин! Левый фланг твой?

– Так точно. Мой, товарищ старший лейтенант.

– И что там?

– Ничего... Тишина... Камни там не слишком высокие. Даже если бы бандиты пластом лежали, как приклеенные, совершенно не шевелясь, «свечение» все равно было бы видно. Пусть они в землю на полметра зарылись бы, хотя сделать это тут нереально – под ногами сплошные крупные камни! – я обязательно заметил бы их.

Это меня слегка смутило. Чтобы остановить продвижение взвода, пятерых человек, да еще только с одной стороны ущелья, было явно недостаточно, даже если бы у каждого из них был в руках собственный пулемет. Я еще раньше понял, что местный эмир не так прост, как большинство командиров банд, вернувшихся на Северный Кавказ из Сирии или из Ирака. Они, как правило, руководили своими людьми за счет собственных лидерских качеств, порой весьма жестких, но отнюдь не боевого умения.

А здесь ситуация была несколько иная. Об этом говорили два сторожевых поста, выставленных в начале ущелья, один возле другого. На первом, естественно, несли службу самые никчемные бойцы, которых и подставить было не жалко. Хотя эмир, конечно, инструктировал их на полном серьезе. Он, понятное дело, внушал им, что это самое ответственное место.

После уничтожения первого поста мой взвод мог бы расслабиться и угодить под расстрел духов, засевших на вершине скалы. Этот удар оказался бы для нас совершенно неожиданным,

на что бандиты и рассчитывали. Они «поливали» бы нас очередями из автоматов и крупнокалиберного пулемета, пусть и китайского. Надо сказать, что оружие, производимое в этой стране, обычно бывает неплохого качества, в отличие от тамошнего ширпотреба. Я сам стрелял из такого пулемета на полигоне и могу это подтвердить аргументированно даже в письменной форме. В дополнение к пулям нам грозили бы и осколочные гранаты, тоже способные доставить много неприятностей.

Хорошо, что наши спецы снабдили меня аппаратом «Волчье ухо». Да, мои снайперы неплохо обучены, они умеют вести наблюдение и наверняка не оставили бы без внимания «свечение» на скале, но я все же раньше предупредил их об опасности. Парни высмотрели противника с дистанции, которая позволяла им работать без промаха. Неточных выстрелов снайперы взвода практически вообще не допускают. Берегут и патроны, и ресурс своих винтовок, который тоже не бесконечен.

Продвинься мы чуть вперед снизу, из-под скалы, и достать часовых пулями было бы нереально. Вот такую ловушку нам подготовили бандиты в самом начале пути.

А дальше – еще хуже.

С минным полем у нас проблем не возникло. С ними мы встречаемся постоянно. А вот лазерный периметр на моей памяти был применен бандитами впервые. Не исключено, что одновременно использовались и датчики движения. Об этом неназойливо говорило наличие засады впереди. Это значило, что датчик сработал или же мы не обратили внимания на первую установку лазерного периметра, хотя снайперы и уверяли меня в том, что их тепловизоры обязательно засекали бы такой луч.

Но и сама засада казалась мне какой-то непонятной хитростью. Опытный эмир, а мы, несомненно, имели дело именно с таким человеком, не будет выставять настолько слабую засаду, тем более только под одной из стен ущелья. Это сильно ограничивает сектор обстрела и увеличивает риск уничтожения засады плотным встречным огнем. Распыление наличных сил всегда является следствием профессиональной малограмотности любого командира подразделения.

Да, разгадать эту хитрость с разбега я не сумел, хотя мне и следовало бы это сделать. Вдобавок я не знал, имеют ли бандиты какие-то приборы ночного видения и насколько они осведомлены о нашем местонахождении. Но если где-то в начале ущелья был установлен датчик движения, значит, такие же приборы могли оказаться и выше. Им ничего не мешало контролировать наш переход.

Сначала я хотел было послать в разведку самого опытного из своих контрактников старшего сержанта Юру Раскатова, даже вызвал его к себе. Я уже готов был предложить ему взять пару солдат, позаимствовать у меня бинокль, чей тепловизор все же будет помощнее, чем тот, который вмонтирован в оптический прицел автомата, и отправиться посмотреть, что нас ждет впереди.

В принципе я предположил, что перед нами, на самых подступах к засаде, будет расположено минное поле. При темповой атаке бывает не до того, чтобы искать и снимать мины. Расчет бандитов мог основываться на том, что на этом самом поле мы понесем немалые потери. Пусть даже нам удастся уничтожить засаду, состоящую из пяти человек, но мы уже будем не в силах продолжать атаку на банду, как и выдержать ее встречный удар. В результате мой взвод будет полностью уничтожен.

Но от дачи команды старшему сержанту меня удержало совсем другое обстоятельство. Я просто так свой бинокль обычно никому в руки не давал. Бывало, что протягивал его старшим офицерам и своим непосредственным командирам, потому что привык воспринимать их просьбы как приказы. Но солдатам обычно не доверял. Именно потому я и решил сходить в разведку сам. Более того, самоуверенно посчитал, что и в одиночку смогу выполнить задачу, которую желал поставить Раскатову.

Старший сержант перебежал от одного камня до того, за которым лежал я.

– Слушаю, товарищ старший лейтенант.

– Я в разведку схожу... Посмотрю с этой стороны, что там за странная засада и можно ли ее обойти. Скорее всего, слева минное поле. Я гляну... Остаешься за меня. Снайперы! Страхуете меня поочередно. Один прикрывает, второй держит на прицеле засаду.

Обойти противника, даже обползти его, как змея, извиваясь среди камней, а потом ударить в спину, откуда он этого не ждет, – вполне в стиле спецназа ГРУ. Я лично потратил много часов на то, чтобы обучить солдат передвигаться по-пластунски и оставаться при этом невидимыми и неслышимыми. И вот сейчас, похоже, мне подвернулся случай использовать эти собственные навыки, так нужные военному разведчику.

Когда нас, курсантов, в военном училище обучали ползанию, форма была совсем иная. Тогда не существовало наколенников и налокотников, пришедших к солдатам и офицерам вместе с комплектом оснастки «Ратник». Поэтому нам специально выдавали старую, изношенную одежду, которая на коленях и локтях протиралась до дыр, как и наша собственная кожа.

Я хорошо помню, как жена впервые увидела мои голые, покрытые шрамами колени и сразу спросила:

– Что это у тебя? Ранение?

А ведь я тогда еще ни разу не участвовал в боевых действиях, только готовился к защите диплома. Все мои колени были в шрамах, никак не желающих заживать полностью. Рубашки с коротким рукавом я носить стеснялся. Не хотел никому показывать свои локти и предплечья. Они тоже были в шрамах. Некоторые из них, самые широкие, заметны и остались до сих пор, хотя прошло уже больше десяти лет.

Современным бойцам проще. Их колени и локти защищены пластиком, жестким снаружи и имеющим мягкую прокладку изнутри. Тем не менее я еще не встречал такого солдата, которому пришлось бы по душе обучение правильному ползанию. В каждом призыве находится «умник», который обязательно заявит, что ползать бросил сразу, как только научился ходить. А ведь бойцы спецназа военной разведки ползают со скоростью передвижения пешего человека. Значит, на занятиях и тренировках на каждого из них выпадает большая, непривычная для организма нагрузка.

Но ведь нам следует не только быстро ползать, но и оставаться при этом невидимым, что, пожалуй, самое сложное. При этом мы должны контролировать обстановку, постоянно быть готовыми к ведению боевых действий.

На тот случай, если у бандитов имеются какие-то приборы ночного видения, основанные на улавливании теплового излучения, я соответствующим образом экипировался. Вытащил из рюкзака маску с перчатками, прикрыл голову и руки. Теперь «светиться» в приборе будут только крохотные точки – мои глаза, но редко какой наблюдатель сумеет понять, что это такое. Маска и перчатки сшиты из той же ткани, что и весь костюм экипировки «Ратник», и не пропускают наружу тепло тела.

Такое действие сохраняется в течение четырех-шести часов. Потом достаточно будет проветрить костюм, расстегнуть его хотя бы на десять минут, запустить внутрь частицу горного ночного холода. Тогда костюм снова начнет удерживать тепло.

– Я пошел. Всем следить за моим передвижением через приемоиндикаторы, – отдал я приказ в микрофон.

Тут, наверное, надо пояснить, что этот приемоиндикатор является составной частью экипировки «Ратник». Он представляет собой, грубо говоря, планшетный компьютер с небольшим монитором, работает через КРУЗ – комплекс разведки, управления и связи «Стрелец». Позволяет наблюдать местонахождение любого бойца, включенного в систему, передавать данные разведки в графическом и текстовом виде, видеозаписи и голосовые сообщения.

Взяв на себя обязанности взводного разведчика, я не сразу пополз, сначала просто перебежал от камня к камню, выдерживая паузы. Один из снайперов, согласно моему приказу, следил за мной, второй контролировал действия бандитов, находившихся в засаде. У меня не было ни малейших сомнений в исполнительности моих парней. Как командир приказал, так они все и сделают. Если кто-то из бандитов, обретающихся в засаде, высунется из-за камней с биноклем или оружием в руках, то сразу получит в голову крупнокалиберную пулю, несущую обязательную смерть. Выжить после попадания такой пули практически невозможно.

Правда, наблюдатель мог находиться и где-то в стороне, подальше, или даже за поворотом. Тогда он не попадал бы под зоркое око тепловизора снайпера, но увидеть меня даже в мощный тепловизор не должен был бы. Костюм «Ратника» меня защищал, хотя я носил его уже около четырех часов, не снимая. Мне хотелось надеяться, что срок действия этого роскошного наряда, составляющий согласно инструкции «от четырех до шести часов», все же ближе к максимуму.

Еще во время испытаний костюма я сам интересовался этим моментом, спрашивал работников относительно такого большого «разбега» во времени. Те объясняли его индивидуальными особенностями тела бойца. Один по своим природным данным излучает больше тепла, другой меньше. Один имеет склонность к выделению пота, другой нет, даже во время самой тяжелой работы. Я знал, что потею редко и не обильно, поэтому надеялся еще долгое время оставаться незамеченным даже для наблюдателя, имеющего тепловизионный прицел или бинокль.

Кроме того, я старательно прислушивался, используя «Волчье ухо». Но бандиты, находившиеся в засаде, соблюдали дисциплину, не разговаривали, даже не перешептывались. В этом я был уверен. Сектор прослушивания у аппарата невелик, не больше сорока шести – сорока семи градусов. Однако засада в эти вот градусы попадала вся целиком.

Я передвигался по «коридору» ущелья аккуратно, без шума, внимательно проверял почву на наличие взрывных устройств и постоянно находился в тени скал. Луны на небе не было, но середину ущелья достаточно хорошо освещали мохнатые, как всегда бывает в горах, и яркие звезды. Я внимательно наблюдал за большой скалой, выступающей из правой стены ущелья. Под ней лежали большие камни, может быть, несколько веков назад свалившиеся сверху и уже прочно вросшие в наносную землю.

А теперь за этими камнями укрылась засада. Я приблизился к ней настолько, что мой личный бинокль, имеющий не самую сильную матрицу, уже неплохо улавливал «свечение» человеческих тел за камнями.

Да, мои снайперы не ошиблись. Больше пяти человек за этими камнями спрятаться не сумели бы, просто не поместились бы в ширину. А четверо бандитов не смотрелись бы таким сплошным свечением, не имеющим промежутков. Парни, тренированные в определении противника, все просчитали правильно.

Я лег и пополз, причем достаточно быстро. Примерно с такой скоростью обычный человек идет по асфальтированному городскому тротуару, когда не слишком спешит. При необходимости я вполне мог увеличить темп, но торопиться мне пока было некуда. Ночь – традиционное время работы спецназа ГРУ – только начиналась и почти вся была еще впереди. Не просто же так у нас на эмблеме изображена летучая мышь.

Однако, при всей скорости своего передвижения, я не забывал посматривать вправо, в сторону засады. Мне оставалось проползти еще порядка десяти метров, чтобы зайти за эти камни, на манер крепостной стены перегораживающие часть ущелья, и увидеть бандитов. На этот момент у меня были продуманы два варианта дальнейших действий. Согласно первому я должен был вернуться к взводу и послать двух, а то, для надежности, и трех бойцов по моему маршруту в тыл засаде. Они забросают бандитов, не ожидающих атаки с этой стороны, гранатами и добьют их автоматными очередями. Согласно второму варианту я все это мог бы

выполнить сам. Двух гранат «Ф-1» должно было бы хватить. Если осколки лягут непредсказуемым образом, то есть не выполнят свою работу, что с ними порой случается, то завершить дело поможет мой автомат.

Я полз и внимательно следил за камнями на другой стороне не слишком широкого ущелья – от меня до импровизированного природного бруствера было не более тридцати метров.

Вскоре я увидел крайнего из бандитов. Он сидел, видимо, как и другие, прислонившись спиной и затылком к боковой поверхности камня, согнув ноги, и коленями зажимал автомат, к пламегасителю которого прижимался лицом, словно желал взять его в рот, как леденец. По отношению ко мне бандит находился в профиль. Кажется, он не ждал никаких неприятностей из той серии, что я готовил ему и его товарищам.

Я сразу резко сбросил скорость передвижения и усилил осторожность, желая производить как можно меньше шума, чтобы люди в засаде не смогли меня обнаружить. Теперь можно было и сворачивать, чтобы подойти к бандитам сзади.

Как раз в момент разворота, когда мое тело находилось в неудобном положении зако-рючки, кто-то навалился на меня сверху. В следующее мгновение я ощутил удар по затылку. Ничего страшного. Шлем выдерживает пулю, выпущенную из пистолета Макарова с дистанции в пять метров, что же тогда о руке говорить!

Я сразу, без задержки, сделал резкое движение, винтом развернул тело, нанес удар локтем в голову тому типу, который лежал на мне, сбросил его с себя. Я уже начал подниматься, как от каменной стены отделился другой человек, сильно вздрогнул и не прыгнул, а попросту упал на меня и придавил к земле солидным весом своего тела.

Я сразу понял, что произошло, и не удивился тому, что меня всего облило что-то горячее. Любимого командира страховал один из снайперов. Его выстрел оторвал бандиту голову. А облила меня, разумеется, кровь. Она плеснула мне прямо в лицо, залила глаза, отчего я потерял на время возможность видеть и ориентироваться. Винить в этом снайпера было глупо. Он свое дело сделал идеально точно.

Глаза я все-таки открыл и увидел, как от стены отделился еще один человек. Это произошло в тот самый момент, когда я сбрасывал с себя тело бандита, оставшегося без головы. В итоге получилось, что я завалил его себе на ноги, а верхнюю часть моего корпуса захватил новый бандит.

Тут же из трещины в стене выскочили еще трое духов. Один из них сразу упал, сраженный пулей снайпера, пробившей его бронежилет, но двое других тоже надели на меня, придавили обе руки и сразу принялись разоружать. Их широкие костлявые физиономии с лопатообразными бородами радостно и широко скалились, хотя в короткой схватке они уже потеряли двух приятелей от пуль снайперов и могли бы лишиться еще нескольких, имея винтовка «Выхлоп» систему автоматического перезаряжания. Ручное забирает время, хотя и позволяет стрелять точнее.

Трое бандитов, каждый из которых был тяжелее меня не менее чем на пятнадцать килограммов, со мной справились. Двое уже не могли им помочь при всем желании и старании. Еще один по-прежнему лежал на земле без движений, похожий на мертвого. Нокаут был глубочайший, словно его не локоть в челюсть ударил, а на полной скорости «боднула» боевая машина пехоты.

Я же оказался совершенно беспомощным. Мало того что бандиты были физически сильными. Они еще и весьма умело, как профессиональные менты, вывернули мне руки за спину, заставили подняться, сорвали с головы шлем вместе с каской «ночь». Я вообще-то остался доволен таким вот фактом, поскольку сам пытался это сделать, чтобы бандитам не достался экспериментальный аппарат «Волчье ухо».

Потом эти милые, весьма дружелюбные ребята сильно ударили меня камнем по затылку, довели едва ли не до беспамятного состояния и в согнутом положении поволокли к стене,

до которой было три-четыре шага. Я сопротивлялся как мог, не переставлял ноги, упирался, надеясь, что снайперы рискнут, сумеют уложить хотя бы одного из бандитов так, чтобы я сумел высвободить руку. А уж воспользоваться ею я сумею – сразу нанесу резкий удар кулаком по гениталиям того бандита, который держит мою вторую руку. Он освободит ее. Я получу возможность выпрямиться и бить с обеих рук и ног.

Но снайперы хорошо знали силу своего оружия. Пуля «Выхлопа» часто пробивает тело противника даже сквозь бронежилет, а потом валит второго, стоящего за ним. Мои снайперы не желали попасть в меня, поэтому не стреляли. Я же намеренно наклонялся как можно ближе к земле, чтобы дать им возможность бить в головы.

Бандиты затолкали меня в щель в стене. Там находились еще трое духов, которые приняли меня весьма гостеприимно.

В это время тот бандит, который получил от меня удар локтем в челюсть, застонал и пошевелился. Один из тех духов, которые тащили меня, уловил это, бросился к нему, стал помогать подняться на ноги. Я видел это уже из щели, где меня держали трое бандитов.

Тут-то все мы и услышали не выстрелы, а удары пуль в бронежилеты. Оба духа свалились там, где недавно лежал я. Стреляли одновременно оба снайпера. Видимо, они оценили ситуацию и на короткое время оставили засаду без внимания.

Бандитов против меня осталось пятеро. Мои руки были заблокированы надежными хватами из традиционного борцовского и ментовского арсенала. Я никак не мог освободиться.

Духи никак не пытались помочь тем своим людям, которых поразили пули снайперов. Они прекрасно понимали, что те уже в этом не нуждаются. Пятеро уцелевших бандитов повели меня через щель, и скоро мы оказались в большой подземной галерее.

Я находился в бедственном положении. После удара камнем по затылку за шиворот текла кровь. Но я пытался мыслить и даже считать шаги, чтобы не заблудиться, если получится совершить побег.

Я несколько не сомневался в том, что смогу это сделать. Не построена еще та хитрая тюрьма, из которой невозможно убежать. Не родились еще те охранники, с которыми не справится хорошо подготовленный боец...

Глава первая

Эмир Дадашев

По всем психологическим параметрам я смело могу отнести себя к «человекам тертым». Мне, как правило, удается делать верные выводы из информации, получаемой с разных сторон, строить свое поведение в соответствии с ними, вести себя адекватно.

Меня, если говорить честно, заставили возвратиться в родные края. Вернее сказать, официально мне только предложили это сделать. Такую идею озвучил Осман, рыжебородое американское чучело йеменского происхождения. Не могу сказать, что я его ненавижу, но испытываю к нему некое похожее чувство. Он, как мне думается, это понимал и именно потому выбрал для возвращения в родные мне горы именно мой джамаат. Хотя все мы отлично знали, что будет игра в русскую рулетку, когда барабан револьвера заполнен патронами наполовину вместо одного-единственного.

Тогда Осман еще не думал, что и ему самому придется отправляться в Россию вместе со мной. Он, скорее всего, ждал, что я откажусь, начну ссылаться на то, что мой джамаат самый опасный для врага из всех наших сил, оставшихся в Сирии. Дескать, я вложил невероятно много сил в налаживание дисциплины и боевой подготовки своих людей, обучал их всему, что знаю и умею сам. А это немало. Боевой багаж у меня солидный.

Но к моменту, когда прозвучало это лестное предложение, я уже знал, что может означать мой отказ, слышал о судьбе командиров сильных и многочисленных отрядов, которые поступили так. После этого они просто пропадали, исчезали неведомо куда, например по дороге в штаб. Или же машина попадала в засаду «сирийских диверсантов» из пресловутых «Сил тигра», которыми руководит бригадный генерал Сухель Аль-Хасан.

«Силы тигра» – это вообще-то элитная дивизия сирийского спецназа, которой привычно приписывают многие операции и на фронте, и внутри нашей территории. Генерал сумел отлично подготовить свою дивизию, обучить личный состав. С нашей стороны было очень мало героев, желающих встретиться с «тиграми» лицом к лицу.

Во время второго наступления правительственных сил на Пальмиру мой джамаат находился на самом острие атаки противника. Мои моджахеды не дрогнули, отошли только после того, как справа и слева от нас бежали, бросив позиции, соседние отряды. Мы рисковали оказаться в окружении и погибнуть под ударами артиллерии и авиации.

Тогда-то мне и довелось увидеть, как воюют «Силы тигра». Они вели наступление очень организованно, со знанием дела и с учетом особенностей местности, которые использовались ими по полной программе. Я, бывший командир десантно-штурмового батальона ВДВ Советского Союза, оценил работу, проделанную Сухелем Аль-Хасаном, и не нашел, к чему придраться, хотя и хотел бы увидеть слабые стороны бойцов этой дивизии. Я даже специально высматривал их, чтобы при возможности использовать самому и другим подсказать, но ничего найти не сумел. Они воевали грамотно, были очень неплохо обучены.

Итак, мне пришлось вернуться в родные края. Место для базы я выбрал сам – хорошо знакомое мне. Я слышал, что в последние годы горные туристы сюда не заглядывают. Теперь их стало намного меньше. Это во времена Советского Союза куда ни плюнь, в туриста попадешь. Так было на всем Северном Кавказе, в любой его республике. В Грузии и в Армении дела обстояли точно так же. В Азербайджане туризм был почему-то не столь развит, хотя горы там тоже неплохие. У нас сказывалось, видимо, соседство Большого Кавказского хребта. Это название само по себе манило сюда людей из разных мест Советского Союза.

Сейчас не то. В наши дни спортивный туризм в большом «загоне». Неизвестно, когда он снова начнет развиваться. Ведь тут требуются большие финансовые вложения, а взять их негде.

Вот потому я и выбрал для базы ущелье Трех Дев. Но прежде чем отправиться туда всем составом, выслал на место малый джамаат, говоря армейским языком, когда-то привычным мне, одно отделение.

Такие подразделения начали создаваться еще во времена Второй чеченской войны стараниями иорданца Хаттаба. Он расписал их состав и вооружение с таким расчетом, чтобы любое из них являлось полноценной боевой единицей. Хаттаб был умным человеком и прирожденным воином. И даже бывшие офицеры, такие как я, не брезговали учиться у него, хотя Хаттаб не имел за своими плечами никакого военного образования. В 1995 году он основал учебно-религиозный центр «Кавказ», не только сам готовил молодежь, но и обучался вместе с ней у преподавателей, привлеченных со стороны.

Я в той войне не участвовал и о Хаттабе знал только по сообщениям в новостях. Но мое мировоззрение в период после Афганской войны формировалось во многом под влиянием таких людей, как этот иорданец. Это нисколько не казалось мне, в прошлом боевому офицеру, зазорным. Я даже однажды поругался по этому поводу со старшим братом, имеющим почти такой же послужной список, как у меня, только получившим больше правительственных наград. Я, впрочем, никогда за ними не гнался и был к ним, по большому счету, равнодушен, в отличие от большинства своих земляков.

Надо сказать, что я уважал своих земляков, хорошо понимал их боевой дух, потому что сам был тех же беспокойных кровей. Сколько существует народ Дагестана, столько он и воюет. Наши мужчины обычно делают это очень хорошо. В моем десантно-штурмовом батальоне был целый взвод, составленный из дагестанцев и чеченцев. Среди них был только один кабардинец, командир взвода. Это было лучшее подразделение батальона. Командир легко находил общий язык с бойцами, потому что они были близки ему по крови и воспитанию.

Из таких же людей состоял мой джамаат, действовавший в Сирии. Его лучшее отделение я и направил в ущелье Трех Дев с приказом подготовить базу для остальных бойцов. Перед этим мы с командиром отделения целую ночь просидели над картой ущелья, нарисованной моей рукой.

Настоящую мне позже передал Осман. У американцев, кажется, были карты всего земного шара – это результат их спутниковой съемки.

Рассмотрев эту карту, я остался очень доволен своей памятью. Она позволила мне изобразить ущелье с такими подробностями, которых не было на спутниковой карте.

На все про все я дал командиру малого джамаата полтора месяца. Он обещал справиться, хотя работа предстояла большая.

Самым сложным в этом деле был вопрос перехода границы, хотя между Россией и Азербайджаном она не охраняется так многослойно, как, например, с той же соседней Грузией, которую в Москве считают подстилкой НАТО. Однако я прекрасно понимал, что девять бойцов, а именно столько мой передовой малый джамаат и насчитывал, имеют больше шансов перейти границу незамеченными и не понести при этом потерь.

Так оно и вышло. Потом командир отделения позвонил мне и доложил обстановку.

Только после этого звонка я снял с позиций, присмотренных заранее, два других отделения. В случае возникновения осложнений они должны были плотным огнем, не жалея патронов, обстреливать пограничников с другой стороны кордона и даже навязать им позиционный бой, отвлечь внимание на себя.

Осман тогда предложил вообще сразу развязать бой, обозначить попытку силового прорыва через границу, чтобы отвести глаза пограничников от передового малого джамаата. Но такая имитация могла бы подсказать им, что где-то в стороне совершается реальный переход. Пограничники тоже не дураки. Они давно научились просчитывать подобные фокусы. Наша демонстрация прорыва большими силами привела бы к неминуемым потерям. Потому мысль Османа я отмел сразу. И действовал так, как сам задумывал.

При этом приборы показали, что за нами наблюдали с другого берега мелкой речки, по которой граница проходила. Мы изобразили спор, результатом которого стало мое решение уйти от границы в глубину азербайджанской территории. Я даже пальцем показал направление движения своим моджахедам, причем так, чтобы и пограничники это видели.

Второй доклад от передового джамаата я получил, как и было обговорено, после проверки ущелья Трех Дев на пригодность. За время моего отсутствия все там могло измениться. К счастью, этого не произошло. Мне не пришлось менять планы, хотя запасной вариант у меня, конечно же, существовал. При необходимости передовой джамаат работал бы по нему. Он перешел бы в другое ущелье, не столь удобное, но все же пригодное для использования в качестве базы.

Теперь мне осталось дожидаться поступления доклада о завершении оборудования постов и системы охранения, о готовности принять нас всех. Тогда можно будет выступать.

Наконец, строго в срок, это сообщение было получено. Мы хотели выступить, но тут всех задержал Осман. Произошло это по непонятной мне причине. Он постоянно с кем-то связывался через закодированный телефонный канал. Я так понял, что его абонент находился где-то в России, по крайней мере, разговаривал он с ним по-русски. Этот человек был еще не готов к какому-то мероприятию, которое Осман должен был лично контролировать и снимать на видео, чтобы потом оперировать этим роликом в каких-то инстанциях.

Признаться, мне, бывшему советскому офицеру, было не по душе сотрудничество с представителем американской армейской разведки. Но мое мнение в данном случае никого не интересовало. Я получил приказ взять с собой Османа и обеспечить ему возможность действия.

Таким вот образом Осман оттягивал выход, задерживал весь джамаат, когда я сам и мои люди уже давно были готовы выступить. Более того, у меня был разработан прекрасный план перехода границы. Для его осуществления я сумел договориться с командиром азербайджанского ополчения, который обещал атаковать армянское село, лежащее на границе с Россией.

Такие атаки уже предпринимались не один раз, но армяне имели собственное сильное и хорошо вооруженное ополчение, которое круглосуточно несло службу на прекрасно оборудованных сторожевых постах. Но при каждой атаке азербайджанцев армяне отправляли своих женщин и детей в Россию через горбатый каменный мост, перекрывающий мелкую речку. Пограничники на той стороне постоянно были готовы к бою, хотя ни разу в ситуацию не вмешивались.

Мне пришлось пообещать командиру отряда азербайджанского ополчения боевую поддержку силами своего джамаата. Естественно, в реальности ничего подобного не было бы. В мои планы вовсе не входило вмешательство в межэтнические конфликты.

Правда, здесь же стоял еще и вопрос вероисповедания. В Азербайджане было слишком много шиитов, поддерживающих тесную связь со своими иранскими единоверцами. Помогать им мне просто не позволило бы мое командование, легко утвердившее мой план перехода границы.

При этом переходе нам практически не пришлось бы вести боевые действия. Пограничники сконцентрировали бы свои силы рядом с мостом, а мы в это время ушли бы за кордон где-то в стороне. Самое серьезное, что могло бы нам встретиться, это наряд пограничной службы. Если бы он пожелал вести бой, то мой джамаат легко справился бы с ним.

Но Осман все еще задерживал нас. В итоге мне пришлось чуть ли не в последний момент связаться с командиром отряда азербайджанского ополчения и предложить ему перенести нападение на село на несколько дней. При этом я даже не мог назвать конкретную дату, этим звонком сильно расстроил планы людей, на которых рассчитывал, а они надеялись на меня. Увы, напрасно.

Тем не менее мое предложение о содействии азербайджанскому отряду ополчения оставалось в силе. Когда Осман получил приказ от своего командования и сообщил об этом мне,

я просто снова позвонил по прежнему номеру и наконец-то назначил новую конкретную дату. Мы согласовали время атаки азербайджанцев на село и моего удара с другой стороны. Я должен был начать на сорок минут позже.

Однако в назначенное время мой джамаат уже мочил ноги в неглубокой речке, переходил границу не слишком далеко от этого армянского села. При этом я понимал, что всем пограничным нарядам был отдан приказ повысить бдительность при несении службы. Особо усиливались наряды, как нетрудно было догадаться, на отдаленных участках, подконтрольных данному погранотряду. Я слышал, что в такие моменты к каждому наряду добавляется по два ручных пулемета при одном пулеметчике.

Не знаю, сколько правды в этих утверждениях, но проверять такие данные на своих людях я не желал. Мне было слишком хорошо известно, что могут натворить два ручных пулемета и несколько автоматов при стрельбе по людям, переходящим реку, то есть минующим открытое пространство, где нет возможности найти укрытие. Потери в этом случае могли бы быть катастрофическими, хотя каждый из моих моджахедов знал, на что идет, и отличался незаурядной личной храбростью.

Я не желал лишаться надежных, проверенных в серьезных боях людей и пошел на простейшую хитрость – решил переходить границу там, где никто от меня этого не ожидал. Заметить нас здесь было легче. Чтобы избежать этого, мы действовали с предельной скоростью.

Мы вошли в реку рядом с армянским селом, только по другую сторону от боя, развивающегося с азербайджанским ополчением. Нас, вне всякого сомнения, видели с постов часовые-армяне. Я даже рукой одному помахал в знак приветствия. Но они по нам не стреляли, опасались, видимо, нашего ответного огня. И правильно делали. Задерживаться мы все равно не стали бы за неимением времени, разве что отплонулись бы парой очередей, но армяне, стоявшие на постах, этого знать не могли.

Сообщили они или нет о нас российским пограничникам – этот вопрос остался для меня открытым. Своему командованию часовые обязательно должны были доложить. А вот связалось ли оно с сопредельной стороной, я не знаю. Но время все равно было упущено. Даже если пограничники и вышли к месту нашего перехода через реку, они все равно опоздали. Мы уже успели покинуть это место, прошли по узкой расщелине, сильно поросшей лесом, а потом поднялись на плато, которое пересекли поперек, что заняло у нас около восьми минут.

Кому-то из моих людей послышался звук вертолетного двигателя над той расщелиной, которую мы недавно оставили позади. Меня окликнули и передали сообщение. Однако, сколько я ни прислушивался, звука двигателя так и не различил. Правда, этому мешал еще и крепкий боковой ветер, относящий все звуки в сторону погранотряда. Нам туда идти было не нужно. Даже если экипаж вертолета и искал нас, то он делал это далеко позади.

Причину этого я хорошо понимал, не зря тренировал свой джамаат так, как этого не делал ни один из эмиров. Передвигались мы вдвое быстрее, чем, скажем, солдаты российской армии или те же пограничники. В данном случае я не говорю о спецназе или войсках ВДВ, которые всегда бывают хорошо подготовлены физически. Но простые солдаты не могут с нами сравниться в скорости передвижения.

Даже мощный стационарный бортовой тепловизор, обязательно стоящий на военном поисковом вертолете, не мог помочь экипажу найти нас. Если тот и искал нас, то в тех местах, которые мы уже покинули. Я, признаться честно, так и не понял, искали нас или нет. Если ополченцы армянского села в Азербайджане передали данные российским пограничникам, то должны были бы. Впрочем, это был совсем не тот вопрос, из-за которого стоило ломать себе голову во время сложного ночного марша по горам.

К утру мы вышли к какому-то незнакомому мне селу. На моей старой карте его не было, но на спутниковой, имевшейся у майора Османа, оно было обозначено.

– Откуда это село здесь взялось? – пожал я плечами, показывая Осману свою карту.

– Власти перевезли сюда людей после наступления Басаева на Дагестан, – объяснил мне Осман. – Они потеряли свои дома, и для них в этом месте были построены новые. У тебя старые карты... Я выделю тебе часть своих, чтобы ты на месте ориентировался. Мне они все равно не понадобятся. У меня есть карты тех мест, где будут работать мои помощники... А прежние тебе уже ни к чему...

Я только молча кивнул, ушел вперед, стал присматривать место для отдыха джамаата и скоро нашел вполне неплохое за грядой скал, под горой. Из села, расположенного поблизости, нас невозможно было рассмотреть даже в бинокль. Я дал команду моджахедам устраиваться на отдых и решил поспать сам. Я ведь такой же человек, как и они, тоже устаю и хочу спать. Тем более что и возраст этого требует.

Я устроился отдыхать чуть в стороне от джамаата, между основной стоянкой и горой. Рядом со мной расстелил свой спальный мешок Осман. Он не стал забираться в него, лег поверх и тоже заснул быстро.

Кажется, я только сомкнул веки, как проснулся от приближающихся тяжелых шагов. По твердой уверенной поступи ног, не выпрямляемых полностью в коленях, я сразу понял, что ко мне приближался мой неофициальный заместитель. Этот человек постоянно был мне необходим. Он имел в джамаате почти такой же непререкаемый авторитет, как и я сам.

Я знаю, что другие эмиры сознательно не держат рядом с собой таких моджахедов, опасаясь за свою власть над людьми. Именно поэтому у них, как правило, не бывает толковых заместителей. Но мне была нужна не власть, а помощник.

Тем более что Надир, как и я, явственно недолюбливал майора американской армейской разведки. Он даже всегда старался это подчеркнуть.

– Али Илдарович, часовой доложил, что на склон соседней высоты женщина, видимо, учительница, вывела группу детей примерно четвертого-пятого класса. Они оттуда могут увидеть наш лагерь, – проговорил Надир тихим голосом.

– А ты что, не можешь взять на себя смелость и отдать приказ расстрелять их? – не открывая глаз и по-прежнему держа бороду вздернутой к небу, спросил Осман. – Тебе обязательно нужно по такому пустяку будить эмира?

– Мы находимся в Дагестане, а не в Сирии! Эти дети – такие же дагестанцы, как и мы, – возразил Надир. – Они – будущее нашего народа.

Видимо, «родные берега» благотворно действовали на Надира. Раньше он такой мягкости себе не позволял.

Осман открыл глаза и с удивлением посмотрел на моджахеда, который позволил себе не согласиться с ним, тем самым проявил неслыханную наглость. Надир сделал вид, что вообще не замечает Османа, и смотрел только на меня.

Моего приказа ждали и те моджахеды, которые устроились на стоянке недалеко от нас и слышали этот разговор. Не все они, конечно, были дагестанцами и поняли нас.

Я был полностью согласен с Надиром, даже в Сирии, не то что здесь, в родном Дагестане, не мог себе позволить отдать приказ расстрелять детей.

– Очень тихо, без резких движений, поднимаемся все до единого, собираемся и ползком выходим за пределы видимости... Повторяю. Без резких движений. Спящего человека можно не увидеть. Ползущего – тоже. А вот бегущий наверняка будет замечен...

– А если они нас уже видели... – предположил Осман, которому, видимо, очень хотелось «повязать» всех нас кровью нашего же народа. – Дети расскажут родителям. Те передадут властям. Нас окружают и уничтожат...

– На все воля Всевышнего! – ответил я стандартной фразой, на которую даже Осману возразить было трудно.

Он не знал русскую пословицу: «На Бога надейся, но сам не плошай». Этот тип вообще никогда не говорил ни о русском, ни о дагестанском фольклоре, хотя знал, кажется, множество языков...

* * *

Мы неслышно и неспешно, без шума и резких движений всем джамаатом вышли из-под возможного взгляда со стороны. Правда, после этого нам пришлось преодолеть еще один короткий, но опасный участок, где нас могли бы увидеть из села, если кому-то вдруг понадобилось бы опробовать бинокль. Этот участок мы преодолели стремительным бегом, потом вышли в совершенно необжитые места. Об этом нам говорили карты, как моя, заметно устаревшая, так и куда более свежая, имевшаяся у майора Османа.

Здесь можно было найти новое место для привала. Но я решил не терять время, тем более часы показывали, что джамаат отдыхал больше двух часов. Это мне только так показалось, что я едва-едва уснул, как меня разбудили. Спал, видимо, без снов. Когда такое случается, время всегда пролетает быстро. Но такова участь эмира. Спать меньше других приходится любому командиру, офицеру боевого подразделения.

Джамаат легко вошел в скоростной походный режим. Мы быстро продвигались в нужном направлении.

В Сирии все было чужое. Там даже общее передвижение не давалось нам так легко. Здесь же даже воздух был иным. Мы все – дети гор. Среди них нам легче дышится, мы лучше, увереннее себя чувствуем, соображаем и работаем намного быстрее, чем в жаркой пустыне.

Таким вот образом мы провели в марше целый день, не особо устали и за несколько часов до наступления темноты вошли в ущелье Трех Дев. У «ворот» нас встретили три моджахеда из передового малого джамаата, чтобы провести через заминированный участок и дальше – вплоть до пещеры.

Командир отделения первым делом показал мне точки, заранее подготовленные для размещения постов. Я сразу выставил на них людей, хотя в тот момент еще не знал, что нас преследуют. Эти места мы с командиром передового джамаата обговаривали заблаговременно, ориентируясь по моей старой карте. К счастью, в ущелье мало что изменилось с тех давних пор, когда я частенько бывал здесь.

Я устроился в гроте, отведенном мне. Он был выбран для этого прежде всего по принципу безопасности, потому что грот располагался в самой середине большой пещеры. Мои моджахеда в случае необходимости всегда могли оказать мне помощь. Важны были и его размеры, поскольку грот эмира должен являться не только его постоянным местом обитания, но и рабочим кабинетом. Дверь успешно заменял полог, сшитый из двух одеял.

Османа мои люди поселили в маленьком гроте по другую сторону пещеры. Он, правда, желал занять другой, с металлической дверью, но я изначально решил отвести его под склад оружия и боеприпасов. Осман вынужден был со мной согласиться, хотя и проворчал что-то относительно тесноты помещения, отведенного ему.

Я намеревался заняться именно складом, но не успел этого сделать. Со мной связался старший передового поста и сообщил, что к входу в ущелье приблизился взвод солдат. На этом наш разговор оборвался.

– Что за солдаты? – поинтересовался я, но ответа не услышал.

Догадаться о том, что пост уже уничтожен, было несложно.

Я немедленно позвонил на второй пост. Этот разговор прервался в самом начале.

Ситуация усложнилась. Я не знал, кто навел на нас солдат. Это могли быть пограничники, жители села, даже дети, которые видели нас. Тогда я намеренно выставил засаду так, чтобы

солдаты заметили ее. Их командир должен будет выслать разведку, посмотреть, что творится впереди. Я приказал Надиру организовать захват разведчиков.

Уже через непродолжительное время мне доложили, что в разведку пошел офицер. Он взят в плен. Я тут же переформатировал свои планы. Грот, где я предполагал хранить оружие, следовало использовать в качестве камеры для пленника.

– Надир, пленника сразу ко мне! – приказал я, еще не догадываясь, с кем мне предстоит встретиться.

Когда Надир принес мне все, что наши моджахеды отобрали у офицера, я сразу заглянул в его удостоверение личности, и на меня тут же накатила крутая волна воспоминаний...

Глава вторая

Командир взвода старший лейтенант Жеребякин

– Так... – эта прелюдия прозвучала, как мне показалось, даже уважительно. – Значит, старший лейтенант Жеребякин Василий Иванович, командир взвода, – сказал немолодой, может быть, даже пожилой и когда-то, видимо, красивый человек с короткой, седой, аккуратно подстриженной бородкой.

Его очки лежали на столе, устроенном из двух дощатых ящиков, поверх карты ущелья. Он смотрел в мое удостоверение личности без них, при свете слабой электрической лампочки.

Солдаты при отправлении на боевую операцию документы сдают. Офицеры делают это только тогда, когда сами пожелают. Я обычно не хотел. Поэтому удостоверение оказалось у меня в кармане куртки, под «разгрузкой» и бронежилетом, рядом со смартфоном, который бандиты у меня тоже отобрали.

Лампочка питалась, очевидно, от дизельного генератора, звук работы которого я уловил еще на подходе к пещере. Мы остановились перевести дыхание между трех высоких столбообразных скал, давших название всему ущелью. Они напоминали женские фигуры в традиционных длинных одеждах, ниспадающих до самой земли. Грот, в котором располагался генератор, я увидел сразу за входом в пещеру. Он был не настоящий, природный, представлял собой углубление, выдолбленное в каменной стене. От генератора тянулись провода, во многих местах придавленные камнями.

Но это было потом. Сначала мы остановились рядом со скалами. Мелкий ручей вился между Трех Дев. Бандиты отпустили меня, позволили выпрямиться впервые после пленения. Они окунали в воду руки, стряхивали мокрыми ладонями грязь с одежды и даже лица омывали, как перед входом в мечеть. Эти ребята разговаривали о чем-то на незнакомом мне языке и довольно посмеивались, несмотря на потери, которые понесли при моем пленении.

Глядя на них, я смыл кровь с лица и с затылка. Кроме того, холодная вода освежала, а я хотел быть бодрым и боеготовым. Глядя в воду, я сразу же подумал о том, что ручей не вытекает из ущелья. Значит, он уходит куда-то под землю. Обычно в таких местах бывает великое множество пещер.

Я в очередной раз не ошибся. Именно в пещеру меня привели и поставили перед этим человеком с аккуратной, полностью седой бородкой. Боевики всячески подчеркивали свое уважительное отношение к нему.

Повторно и куда более тщательно они обыскали меня уже в пещере, когда мы миновали нишу с генератором и остановились под лампочкой, висевшей за входом. Тогда боевики присвоили едва ли не все, что нашли в моих карманах, вплоть до бумажных денег, которых при мне было, к счастью, немного. «К счастью» не потому, что я жадный. Просто я не люблю, когда меня грабят. Элементарно, по-человечески мне это не по душе.

А вот мелочью бандиты побрезговали, оставили монеты у меня в кармане. Мне подумалось, что здесь они проявили неаккуратность. Когда кругом камни, крупную пятирублевую монету легко заточить так, что она станет бритвой, то есть оружием. Но для такой работы требуется время, нужна целая ночь или день. А у меня не было никакой гарантии в том, что я получу эту возможность. Наверное, и бандиты были того же мнения.

Там же, во время обыска, они сняли с меня бронежилет, который пришелся по вкусу одному из боевиков, и «разгрузку», сначала опорожнив ее многочисленные карманы. Мой автомат с глушителем и тепловизором давно уже забросил за спину один из этих духов. Но они почему-то забыли снять с моего пояса зарядное устройство для аккумулятора прицела. Тот скоро сядет, и прицел не будет работать.

«Разгрузка» моя тоже ушла к тому самому типу, который прибрал к рукам бронежилет с автоматом. Особенно ему понравились противоосколочные воротник и юбка на бронежилете. Многие мои солдаты не носили их. То ли они бравировали этим, то ли такие наслоения на защитное приспособление и в самом деле мешали нормальному передвижению. Сами бойцы традиционно жаловались на это.

Мне такие штуки, впрочем, никогда не мешали. Каждое человеческое тело устроено по-своему. У одного постоянно чешется левое ухо, у другого – кожа между лопаток. Здесь не может быть единого подхода...

– Что молчишь? – грозно и серьезно спросил седобородый мужчина, забыв про свой изначально уважительный тон. – Документы твои? Ты и есть Василий Иванович Жеребякин, старший лейтенант? Отвечай, когда спрашивают...

– Не вижу необходимости тебе отвечать, – сказал я с вызовом и передернул плечами, чуть меняя положение рук, теперь связанных за спиной и затекших. – Глаза у тебя есть, читать по-русски ты, как ни странно, умеешь. Вот и читай...

– Ерепенистый какой! Надо же! А необходимость отвечать у тебя есть. Если я попрошу своих людей, то они тебя просто заставят говорить со мной.

– Это, неуважаемый ты мой, невозможно сделать, – сказал я с самодовольным смешком. – Заставить меня нельзя никаким способом. Я от природы человек упертый и никогда не делаю то, к чему меня пытаются принудить против моего желания. Если твои ребята будут настаивать, применять физическую силу, я могу себе язык откусить. Не захочу говорить, да так вот и сделаю... Так что можешь на своих людей и не надеяться. Они могут меня убить, но не заставить. Натура у меня такая – супротивная...

– А ты, старлей, давай-ка мне не тыкай. Я старше тебя и по возрасту, и по званию. Ты сейчас находишься на Кавказе. Здесь принято относиться к людям в возрасте с уважением. Этого я от тебя и требую.

– Бандитские звания меня мало интересуют. А что касается уважительного отношения к возрасту, так я видел много пожилых людей, убитых бандитами, точно такими же, как ты и твои люди. Я ни разу не слышал, чтобы вы считались с возрастом своих жертв.

– Относительно того, кого из нас считать бандитами, кого – борцами за идею, которой мой народ хотят лишиться, я готов буду с тобой поговорить в следующий раз, если ты сумеешь дожить до него. В этом я почему-то не уверен... А вот в отношении звания вопрос совсем другой. Я когда-то носил погоны подполковника ВДВ, батальоном командовал. В отставку вышел сразу после возвращения из Афгана в восемьдесят девятом году – с последней колонной по мосту выходил. Там за боевые заслуги был награжден двумя орденами Красной Звезды и одним – Красного Знамени. С тех пор тридцать лет прошло, но звания меня никто не лишал. Я не разжалован в рядовые, судя по тому, что пенсия мне на пластиковую карту регулярно поступает и даже время от времени растет. Поэтому не прошу, а требую относиться ко мне с уважением.

– Ты сам себя лишил звания и государственных наград. Они у тебя остались только потому, что ты прятался, как крыса под полом. Я с такими «подпольщиками» встречался уже. Знаю, что их звания и награды испарятся, как дым, стоит этим людям открыться. Но крысы делать этого не любят и потому считают себя живучими. Но это тоже только до поры до времени... Придет и их час расплаты. Да и твой тоже...

– А ты смелый, старлей Жеребякин...

Я, признаться, ожидал, что он обозлится на сравнение с крысой, но этот седой человек, кажется, даже одобрительно отнесся к моим словам.

– Или просто наглый? Я не очень еще понял. От наглости излечить человека просто, а вот от смелости...

– Таким уж уродился...

– Наверное, есть в кого? – этот вопрос прозвучал с явным интересом, но я на этом внимание заострять не стал.

Мало ли какие соображения пришли в голову эмира...

– Наверное, – согласился я и не стал уточнять, что характером пошел, как не раз говорила мне мама, в отца, тоже прошедшего Афган и имеющего два ордена Красной Звезды.

Только мой отец был не подполковником, а простым сержантом ВДВ.

Но говорить об этом с эмиром мне не хотелось. Это походило бы на попытку выторговать себе спасение, граничило бы с само- унижением, с проявлением слабости, которую я не желал показывать бандитам и самому эмиру.

А в том, что передо мной был именно эмир, я уже нисколько не сомневался. Для меня был очевиден и тот факт, что этот человек обладает громадным боевым опытом, который многократно превосходит мой.

Если нам довелось с ним встретиться при таких вот обстоятельствах, то только по моей собственной вине. Я не пожелал отправить в разведку солдат и пошел сам, причем в одиночку, понадеявшись на собственные силы и прикрытие со стороны снайперов. Я просто то ли солдат пожалел, опасаясь, что они попадут в «переделку», в которую сам угодил, то ли не пожелал делиться с бойцами заслугой, то есть уничтожением засады. Я надеялся управиться с ней в одиночку, собственным примером показать, как следует воевать.

А теперь получилось так, что мой взвод, благодаря моей излишней самоуверенности, оказался обезглавленным, остался без командира. Против него стоит банда, возглавляемая эмиром с большущим боевым опытом. Сможет ли ему что-то противопоставить мой заместитель старший сержант Раскатов – неизвестно.

Я, скорее всего, сумел бы это сделать, благодаря своей подготовке и тому опыту, который у меня все же имелся. По крайней мере, изначально я несколько хитростей эмира даже не разгадал, а прочувствовал. Я даже понял, что с засадой что-то не так обстоит, может быть, именно потому и пошел в разведку сам. Только не догадался, что засада выставлена для того, чтобы заманить в ловушку несколько разведчиков моего взвода.

Конечно же, бандиты и сам эмир не рассчитывали, что им так повезет, они сразу обезглавят взвод, захватят командира, а не нескольких солдат, как изначально, видимо, планировалось, судя по количеству бандитов, напавших на меня. Им попался человек, который мог бы противостоять банде, если бы остался во главе взвода.

Да, старший сержант контрактной службы является профессиональным военным, имеет боевой опыт, полученный в нескольких командировках на Северный Кавказ, удостоен правительственных наград. Но сумеет он или нет даже не полноценно, но хотя бы частично заменить командира – еще неизвестно. Конечно, я готовил Раскатова по полной программе и собрался даже рекомендовать его к поступлению в военное училище спецназа, куда он думал податься на следующий год, когда закончится его контракт. Вполне возможно, что он покажет себя достойно. Характера Раскатову хватает, умом он не обделен. Он кажется несколько простоватым, но делает это намеренно, на самом же деле обладает незаурядной хитростью.

– Надир! – строго позвал эмир.

Отодвинулся полог, сшитый из двух ватных одеял. В грот вошел один из тех бандитов, что меня захватывали, самый широкоплечий и сильный. Именно он заворачивал мне руки за спину.

– Уведи пленника в грот с металлической дверью и принеси мне все, что вы у него забрали! – получил он приказ и уточнил:

– Деньги тоже, эмир?

– Много было денег?

– Чуть меньше пятисот рублей.

– Деньги не надо. – Эмир посмотрел на меня каким-то странным, непонятным взглядом и добавил: – Позови ко мне Османа...

Надир шагнул ко мне и каким-то образом ухитрился глянуть на меня сверху вниз, хотя ростом был совсем не великан. Потом этот субъект подхватил меня под локоть и грубо подтолкнул к выходу. При этом он не стал даже придерживать рукой полог, посчитал, видимо, это для себя унижительным. Я же никак не мог отодвинуть тяжелые одеяла, поскольку мои руки были связаны за спиной. Поэтому мне пришлось просто идти вперед, упираясь в полог головой.

Я подумал, что эту вот ситуацию можно будет использовать, если, конечно, она повторится. Полог, оттянутый моей головой, потом, после моего прохода, упал на лицо Надиру, на какое-то время лишил его зрения и ориентации. Удар ногой в голову оставил бы этого фрукта и без сознания.

Не окажись в большой пещере, сразу за выходом из грота, четверых бандитов с наставленными на меня автоматами, я воспользовался бы ситуацией немедленно. Тогда Надир тотчас же упал бы мне под ноги. Я даже со связанными руками сумел бы вынуть нож из кожаных ножен, висящих на его поясе, и разрезать веревку. После этого автомат бандита перешел бы в мои руки. А дальше уже можно было бы импровизировать.

В большой пещере горели несколько костров, вокруг которых сидели вооруженные бандиты. Мне казалось, что никто из них не смотрел в нашу сторону. В лучшем для меня варианте они могли бы и не заметить, что произошло, если не шуметь и не стрелять.

Не будь у меня руки крепко связаны, с двумя стволами, направленными на меня, я бы еще справился, а потом нанес бы удар и по Надиру, лицо которого было закрыто пологом. Но другим бандитам, если они нормально обучены и умеют быстро соображать, достаточно будет встать и не приближаться ко мне, сделать по полтора-два шага назад и в стороны, отдаляясь один от другого. Я тут же превращусь для них обоих в прекрасную тренировочную мишень.

Честно говоря, это было мне не совсем по нраву. Лучше я подожду и выберу новый, куда более удобный случай, который обязательно представится. Нужно только уметь его заметить и не упустить. Или же самому создать. Для этого необходима решительность, которую мне ни у кого занимать не требовалось.

Я не стал демонстрировать свою немедленную готовность к сопротивлению.

– Сиражутдин, отведите пленного в грот с железной дверью... – распорядился Надир на русском языке. – И пришлите к эмиру Османа. Господин звал его...

Наверное, четверо других бандитов не знали родного языка Надира. Такое вполне возможно. В Дагестане проживают представители самых разных национальностей. Или же эта фраза была предназначена мне.

– Изуродовать пленника можно, чтобы не сбежал? – спросил Сиражутдин тоже по-русски, словно предупреждая меня о том, что церемониться со мной тут никто не собирается. – Все-таки он из «летучих мышей», – он кивнул на мою нарукавную эмблему, – а они народ сволочной, всегда на любые пакости горазды...

– Не знаю. Эмир такого приказа пока не давал. Когда распорядится, я тебя обязательно позову... – заявил Надир и взял с камня вещевой мешок.

Я видел, как бандиты складывали в него все, что у меня отобрали, в том числе гранаты, пистолет в кобуре, нож в ножнах.

Надир опять оказался под пологом, накрывшим его крупную голову. Он уходил от меня, повернувшись спиной. Сейчас атаковать этого бандита было бы еще легче. Хватило бы одного удара под основание черепа. Мягкое одеяло не смогло бы его спасти, только предохранило бы мой кулак от повреждения. Но руки мои были связаны. Четыре ствола смотрели мне в спину и мешали мне быстро соображать.

Да и думал я теперь совсем о другом. Мы преследовали бандитов, что называется, по пятам. Вошли в ущелье, когда их следы полностью остыть еще не успели. Тем не менее сразу

встретили два грамотно выставленных поста и даже лазерный периметр. На то, чтобы это все подготовить, у бандитов просто не должно было хватить времени.

Они захватили меня в плен и вели по какой-то подземной галерее, шли уверенно, словно привычным знакомым путем. Вывод напрашивался сам собой – эмир или кто-то из ближних к нему людей был родом из этих мест, скорее всего, из недалекого райцентра, и хорошо знал ущелье Трех Дев, отлично здесь ориентировался. Местные правоохранители и представители федеральных сил давненько не заглядывали сюда. Они считали это место совершенно безопасным и довольно популярным среди горных туристов, которых, правда, в последние годы здесь никто почему-то не видел.

Был еще один вариант, несколько не противоречащий первому и даже неплохо совмещающийся с ним. До того как прийти сюда, эмир выслал вперед часть своей банды. Она умудрилась незамеченной перейти границу и благоустроила ущелье. О больших работах такого рода говорило и наличие грота с металлической дверью, куда меня было приказано закрыть.

Я даже допускал такой вариант, что эмир был родом из этих мест. Он имел здесь своих сторонников, верных, грамотных в военном деле помощников из местного населения, которые и подготовили для банды базу. Сейчас эти люди, скорее всего, оставались здесь, в ущелье, потому что мы не дали им возможности выйти отсюда. Но у них было время на то, чтобы показать эмиру все, что они тут сделали. Он наверняка одобрил результаты их работы.

Это было удачей не только для эмира, но и для нас, представителей федеральных сил. Потому что мы часто уничтожаем банды, но не знаем их сторонников и помощников, скрытых среди мирного населения. Они так и остаются в «законсервированном» состоянии на многие годы, но всегда готовы нанести нам удар в спину. Именно с ними бороться бывает труднее всего.

Я прекрасно осознавал всю сложность собственного положения, понимал, что взвод в силу своего обучения и общего характера, присущего ему так же, как и отдельному человеку, ущелье не откроет, бандитов отсюда не выпустит, будет планомерно уничтожать их. Возможно, с потерями в своих рядах, чего не произошло бы при моем командовании. Все-таки солдатам без офицера будет сложно действовать. Тем более против этого вот немолодого эмира, обладающего огромным боевым опытом.

Если мне не удастся вырваться к своим бойцам, то задача здесь, в плену, передо мной стоит однозначная – уравнять силы. Бандиты лишили мой взвод командира, значит, я должен убрать их эмира. Понятно, что дело это не самое простое. Сейчас я никак не мог им заняться, но обязан был искать такие возможности и постараться не упустить их.

Кроме того, я знал, что в случае ликвидации эмира взбешенные бандиты мигом убьют меня, не будут мучить и издеваться. Уже одно это толкало меня на скорейшее выполнение задачи, поставленной самому себе. Я считаю себя способным перетерпеть любую боль, но предпочитаю умереть быстро, без особых страданий.

Конвоиры повели меня через всю большую округлую пещеру, по самому ее краю, но с противоположной стороны от выхода. По пути я имел возможность рассмотреть, как устроились бандиты, заодно и пересчитать их, сидящих у костров. Понятно, что в пещере находились не все духи. Некоторых мы уже уничтожили, еще какие-то сейчас наверняка несли сторожевую службу. Вместе с Надиром и четырьмя своими охранниками я насчитал здесь двадцать восемь человек. Как раз столько, сколько у меня солдат во взводе.

Значит, численно бандиты не так уж и сильно превосходили нас. Ну а с учетом боевой подготовки и вооружения выходило, что мы намного сильнее их.

Но имелаась насущная, причем достаточно срочная необходимость уравнять и командный состав. Тогда положение будет еще более выгодным для нас. Бандиты, запертые в ущелье, никуда не смогут уйти отсюда, сложат тут свои головы вместе с обязательными лопатообразными бородами. То обстоятельство, что вместе с ними погибну и я, – не слишком страшное.

Нам навстречу попался какой-то рыжебородый и голубоглазый, как мне показалось в отблесках костров, человек. Один из моих конвоиров, тот самый, который проявлял желание меня изуродовать, обратился к нему на незнакомом мне языке. Если судить по растянутости многих слов и большому количеству певучих гласных звуков, это, скорее всего, был арабский. Я сумел разобрать имя человека, с которым говорил конвоир, – Осман. Видимо, это и был тот самый человек, которого ждал эмир. По крайней мере, поспешил он именно туда, откуда мы шли.

Среди дагестанцев я встречал много рыжих людей, даже сильно веснушчатых, поэтому не удивился внешности Османа, хотя отчего-то и подумал, что это европеец. В отличие от других бандитов, носивших «песочный камуфляж», он был в гражданской одежде с преимуществом темных тонов, столь любимых на всем Кавказе.

Мы по кругу обошли котловину пещеры и оказались у стены, противоположной гроту, занятому эмиром. Здесь дорожка была намного более высокой и широкой. Она напоминала настоящую галерею. Сталактиты, стекающие с потолка, придавали вид настоящей анфилады.

В стене были видны входы в несколько гротов. Два первых имели кирпичную кладку, окружающую деревянные двери. Створки располагались рядом одна с другой. Можно было предположить, что гроты эти по объему тесноватые и больше похожи на кельи.

Чуть дальше точно так же кладкой была усилена металлическая дверь. Но я сразу определил, что кладка была вполкирпича. Я не то что ногой, рукой ее пробью, если будет во что кулак обернуть, чтобы кожу на костяшках не содрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.